

Мы живём в многоэтажке. Нет, не в небоскрёбе каком-нибудь и даже не в башне в двадцать пять этажей, а в простом двенадцатиэтажном одноподъездном доме. Точнее, в совсем не простом. Потому что у нас под крышей — выше самого последнего этажа, но ещё не на крыше... на чердаке, в общем, — живёт монстр.

Хорошо, что я на первом этаже живу: до меня монстру точно не добраться! Мы с Максом его очень боимся. Но иногда сами к нему ходим. «Федя, — начинает Макс, когда мы собираемся погулять или после школы, — может, заглянем?» И я понимаю, что он предлагает подняться на самый верх — до двери на замке, которая

ведёт на чердак. И изучить новые следы, оставленные монстром.

Он ужасный! Лохматый и пыльный: мы с Максом часто обнаруживаем у двери клочья шерсти. Ещё у монстра много когтистых лап. Но чтобы их замаскировать, он часто ходит в сворованной человеческой обуви, которая ему велика. Именно поэтому он шаркает. Всё это мы выяснили по оставленным наверху следам. Но самое жуткое: если чердачный монстр чем-то разозлён, то он вырубаёт в подъезде свет. И тогда начинается самое страшное...

ТЁМНЫЙ УЖАС

№1

Только я вернулся из секции по большому теннису, как электричество вырубili. Я сразу понял, что это не лампочка в коридоре перегорела, потому что уже успел включить телевизор. Ну да, в ботинках в комнату прошёл. Всё равно вечером пылесосить собирался, а тут начинался мой любимый сериал.

Только вы не подумайте, что я, как дед, в теплке всё свободное время залипаю. Просто этот сериал очень удобно начинается — после моей тренировки. И можно время сэкономить: параллельно и еду в микроволновке разогревать, и смотреть. Кстати, о том, что микроволновка без электричества накрылась, я подумал в последнюю очередь. А зря: в животе уже урчало. Я открыл холодильник, чтобы взять масло и сделать себе бутер. В холодильнике света тоже не было.

У меня мурашки по спине пробежали: а если будет как в прошлом году? Тогда наша соседка с шестого этажа в лифте застряла, уборщица на тёмной лестнице поскользнулась и ногу сломала, а я двойки по всем предметам получил, потому что домашку не сделал.

У меня даже аппетит пропал. И я решил подняться к Максy: вдвоём не так жутко. Закрыл квартиру и, зажмурившись, пробежал два лестничных пролёта. Хорошо, что Макс на втором этаже живёт — прямо надо мной.

Я нажал на звонок — и не услышал привычного «дз-зыньк!».

Электричества же нет. Я постучал в дверь.

Макс открыл сразу.

— Я всё знаю, — сказал он с порога. — Тощий Марвик уже рядом.

— Что-о? — изумился я.

Марвик — это наш электрик: Марк Викторович. А Марвиком мы его стали звать, потому что он у нас в домовом чате так отображается. Тощий Марвик у нас вроде Кощея Бессмертного. Высокий, худющий, бледный. И только когда света нет, приходит. Может, он вампир?

— Да, — похвастался Макс. — Я первый позвонил в диспетчерскую и обо всём сообщил.

У меня вдруг ноги стали ватными.

— О чём? О том, что Марвик...

— Что света нет, — ответил Макс. И продолжил: — Надо противомонстровое заклинание произнести. И тогда он из нашего дома уйдёт.

— Кто? — опешил я.

Но Макс повторять не стал, а вместо этого потребовал — да, именно потребовал! — рассказать страшилку.

— Так надо, — сказал он. — Это для нашего же блага, то есть против монстра. Ну, ты понял. Как расскажешь, я тебе подробнее объясню.

Я наконец зашёл к Максиму в квартиру и сел на пуфик, то ли квадратный, то ли круглый, и вспомнил одну историю.

Одна девочка с чёрными толстыми косами двоечницей была. Почти круглой. Двоек даже больше, чем мальчишки, получала. И ни одной четвёрочки.

Однажды на перемене в класс вошла незнакомая женщина в строгом костюме и объявила:

— У кого будут все пятёрки, тот получит золотую медаль.

Сказала — и ушла. А девочка очень расстроилась. «Кому-то знания легко даются, а кому-то — ну никак. И что, теперь медалями награждать за то, что от природы ум дан?» Она посмотрела на их отличницу. «Ей все предметы даются легко. Я параграф читаю — и ниче-

го не понимаю. А она один раз учительницу послушает — и уже всё запомнила».

А тут как раз эта отличница встала, голову запрокинула и хвастливо так говорит:

— Медаль моя будет.

Девочка эта не выдержала. Глаза прищурила и на весь класс крикнула:

— А вот и нет! Медаль получу я.

— Ты же отстала, — удивилась отличница. — Любой в классе лучше тебя учится. — И засмеялась: — Ты даже не знаешь, сколько дважды два будет!

— Мне и незачем, — усмехнулась девочка и чёрные косы за спину отбросила. — Я считала, что оценки — это не главное счастье. Ну да раз вы так все на них помешаны, то я вам докажу, что я не хуже всех вас! Безо всякого «дважды два».

Тогда отличница над этой девочкой только посмеялась. Но скоро ей стало не до смеха. Потому что на следующий день их одноклассник, хорошист, сошёл с ума. В прямом смысле.

Пришёл только к третьему уроку. Волосы расчёпанные, брюки мятые, а глаза безумным огнём горят. Где был на первых двух уроках — не отвечает, а только бормочет:

— Круглое — квадратное, круглое — квадратное... — И очень глупо смеётся. Придурковато.

А когда третий урок заканчивался, он неожиданно вскочил, на парту залез и станцевал на ней вприсядку. И в обморок бухнулся. Прямо с парты.

Вызвали скорую помощь, увезли его лечиться. Сразу в психиатрическую больницу.

А друг этого хорошиста, мальчик с веснушками, отличнице шепнул:

— А ведь он вчера ходил в гости к нашей двоечнице. Видно, она ему мозги зачучундрила. Вот он и того... — Мальчик покрутил пальцем у виска.

А сама черноко́сая девочка сидит себе смирененько, только глаза хитро-хитро поблёскивают.

«Всё это не просто так, — подумала отличница. — Но как бы выяснить?»

А на следующий день и она сошла с ума. Вползла утром в класс на четвереньках, под парту забралась и головой о столешницу биться стала. И бормочет:

— Квадратное — круглое, квадратное — круглое...

Приехала снова скорая. Фонариком отличнице в глаза посветили, смотрят, а зрачки-то у неё треугольные.

Увезли и её в дурдом — лечиться.

— А ведь она тоже вчера к нашей двоечнице ходила, — пронёсся по классу шёпот.

Прошла неделя. В классе чувствовалась жуткая атмосфера. Одна за другой сошли с ума три девочки-хорошистки, а за ними ещё двое неплохих успевающих мальчиков. И про каждого было известно: накануне он был в гостях у чернокосой.

Что они там делали — никто точно не знал. Но слухи ходили, будто двоечница им диковинный сувенир показывала — квадратный шар.

Скоро из всего класса только она да ещё одна девочка остались. Всех остальных скорая поувозила. С безутешным диагнозом: сумасшествие.

После уроков подходит к девочке двоечница и ласково так говорит:

— Приходи ко мне в гости сегодня, а? Я тебе штучку одну интересную покажу.

— Хорошо, — ответила ей девочка. — Вечером жди.

Вот наступил вечер. Девочка причесалась, шпильками волосы заколола, ресницы подкра-

сила. Думает: «Если и я башкой чокнусь, пусть запомнят меня красивой». И пошла в гости.

Чернокобая девочка встретила её приветливо. Провела к себе в комнату и говорит:

— Смотри, какая у меня тут чудёсинка порхает!

Взглянула девочка — а по комнате летает квадратный шар. Весь круглый-круглый, как и положено шару, но при этом почему-то квадратный.

У девочки от такой несурзизцы голова сразу заболела: как это возможно — круглое, но квадратное?

А странный шар всё по комнате летает: то выше поднимется, то ниже опустится. Вот к ногам девочки подлетел. Своей квадратной круглостью гипнотизирует.

А голова у девочки всё сильнее болит. Кажется, ещё чуть-чуть — и треснет. Потрогала девочка свой висок — что-то там жёсткое. «Шпилька», — сообразила она. Вытащила из волос шпильку и квадратный шар ею — раз! — проткнула.

Ба-бах! — лопнул шар. Только жалкая оболочка от него осталась.

— Ах! — испугалась чернокобая. — Что ты наделала! — А потом кулаки сжала и сквозь зу-

бы процедила: — Ну, я тебе задам! — И бросилась на девочку.

Та — от неё. Из квартиры выскочила, по двору бежит, по другому, по третьему. Задышались уже обе. Девочка — от ужаса, а одноклассница её черноволосая — от злости.

Вдруг навстречу им та женщина в строгом костюме, которая к ним в класс приходила и золотую медаль за отличную учёбу обещала.

Дорогу им перегородила. Поймала одну, а потом и другую.

— За медалью бежите? — спрашивает. — Обе сразу? Так не положено. Я посмотрела ваши оценки. Медаль вручается тебе! — С этими словами вынула из кармана медаль на красной ленте и чернокозой на шею повесила.

Отпустила девочек и быстро ушла.

Обидно девочке: почему медаль их двоечнице досталась? Но она ничего не сказала. Испугалась, что та вместо квадратного шара ещё что-нибудь выдумает. Только видит: с медалью неладное что-то. Присмотрелась, а она не блестит. Краской золотистой покрашена. А сама — деревянная.

Чернокозая заметила, что девочка с удивлением на её медаль смотрит, взяла её в ру-

ку. Сжала, разжала... Сжала, разжала... И вдруг улыбаться перестала. И забормотала: «Золото — дерево, золото — дерево...» Глаза у неё побелели, а косы как змеи извиваться стали.

— А-а-ай! — закричала девочка и прочь от медалистки бросилась.

Прибежала домой, в скорую позвонила. А сама из окна наблюдает: двоечница-медалистка руки вперёд вытянула и медленно по улице идёт. Тут из-за угла машина с красным крестом к ней подъехала. Врачи выбежали, забрали её. И говорят:

— Вот хорошо! Будет нам кого лечить. А то сегодня все пациенты разом выздоровели. Перестали ерунду про «круглое — квадратное» бормотать — и мы их отпустили.

Так и лечат до сих пор ту девочку. В дурдоме.

ТЁМНЫЙ УЖАС

№2

— Да уж, — выдохнул Макс. — Погоня за всеми этими медалями ничего хорошего не даст. Мне мама тоже так говорит. Другое дело, когда ты просто на пятёрки учишься и тебе медаль — как бы бонусом. А рваться изо всех сил, только чтобы она была, — такое себе. — Он помолчал и продолжил: — Там, при поступлении, конечно, потом плюшки какие-то должны быть. Но не такой же ценой, чтобы в дурку загреметь!

— Так что с заклинанием против монстра? — перебил я его рассуждения.

— А! — вспомнил Макс. — Мне знакомая из соседнего городка рассказала, как они от чердачного монстра у себя на даче избавились. И я решил, что нам тоже должно помочь. Короче... Надо, чтобы все дети, которые в доме живут, рассказали по страшилке. Каждый какую

знает. А потом... В общем, нам надо торопиться. А то ведь монстры — они как дети, быстро растут. И силы у них прибавляются. Так что если в этот раз всё профукаем, то в следующий заклинание может и не сработать.

— Подожди, Макс. Так страшилки или заклинание? Я не понял.

— Сначала страшилки, — со знанием дела сказал друг. — Заклинание потом.

— Ты прям как наша русичка заговорил!

— Ну так! — не стал спорить Макс. Он хотел ещё что-то добавить, но махнул рукой и уставился в одну точку, которая, судя по его взгляду, располагалась в верхней части шкафа в коридоре. А потом сказал: — Теперь слушай мою страшилку.

Одному мальчику нельзя было сладкое. Именно поэтому мама ему ни конфет, ни печенья, ни пирожных не давала. А мальчику очень хотелось. Только он запах шоколада или эклеров чувствовал — сразу голову терял. Запах вдыхал — и зрачки у него расширялись, рот открывался, а руки трястись начинали и сами к сладкому тянулись.

А на следующий день мальчик весь сыпью покрывался. И в красных пупырышках целую неделю ходил.

Мама мальчику объясняла, что сладости ему вредят. Но мальчик не слушал. Тогда мама стала прятать сладости. Принесёт домой торт, уберёт

его в холодильник к самой дальней стенке, а перед ним кастрюлю с супом поставит. Да только мальчик быстро это понял и стал всё, что в холодильнике на виду стоит, вытаскивать, чтобы сладкое достать и съесть. И снова потом сыпью покрывался и чесался весь.

Поняла мама, что проще вообще ничего сладкого домой не приносить. Ни выпечку, ни мармелад не покупала. А если её на работе конфетами угощали, то коллегам раздавала.

Однажды к мальчику в гости бабушка из деревни приехала. И гостинец с собой привезла. Целую банку сливового варенья. Огромную — трёхлитровую.

— Ему же нельзя! — покачала головой мама. — Он от сладкого чесаться будет.

— Но это же своё варенье, — сказала бабушка. — Я сама эти сливы вырастила. В них никакой химии. Пусть он по чуть-чуть ест, тогда и страшного ничего не будет.

Мальчик банку с вареньем обнял и носом в неё уткнулся.

— Ой, а что это там чёрное?

Бабушка достала очки и натянула их на нос.

— Хм... — Она внимательно посмотрела сквозь стекло банки. — О, да. Что-то чёрное.